

ПОДАШЕНЬ

ЯРОСЛАВЛЬ.
ИСТОРИЧЕСКАЯ
МОНОГРАФІЯ
О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНІЯ ГОРОДА

» **СЪ ПОРТРЕТОМЪ** «

ЕГО ОСНОВАТЕЛЯ,

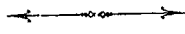
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

ЯРОСЛАВА-МУДРАГО.

Составилъ и издалъ

Н. ВЕРХОВОЙ.

РЫБИНСКЪ.

Типо-Литографія **С. К. Фалькъ.**

1903.

Дозволено цензурою. Москва, 29 Июни 1903 г.

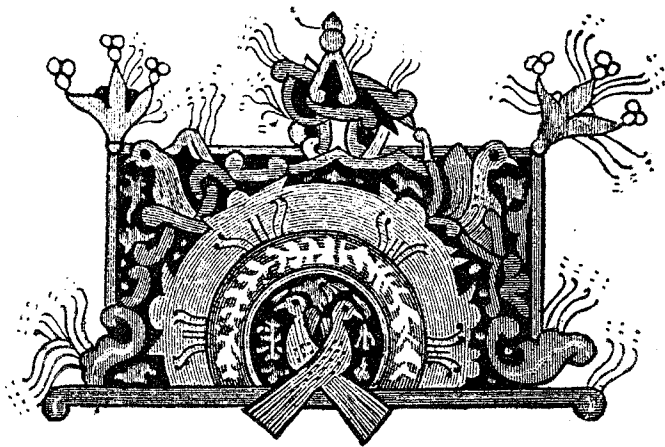

Великий Князь ЯРОСЛАВЪ МУДРЫЙ,

основатель г. Ярославля.

(Со скульптуры Антокольскаго).

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

«Нѣтъ ни одной книги, которая бы сколько нибудь добра въ себѣ не заключала».

Плиній.

Появленіе въ свѣтъ настоящей исторической монографіи представляет собою явленіе совершенно случайное и оправдывается исключительно приведеннымъ выше эпиграфомъ.

Начальная задача моего труда заключалась въ составленіи краткаго очерка исторіи г. Ярославля, въ которомъ вопросу о времени основанія города предполагалось посвятить всего лишь нѣсколько строкъ.

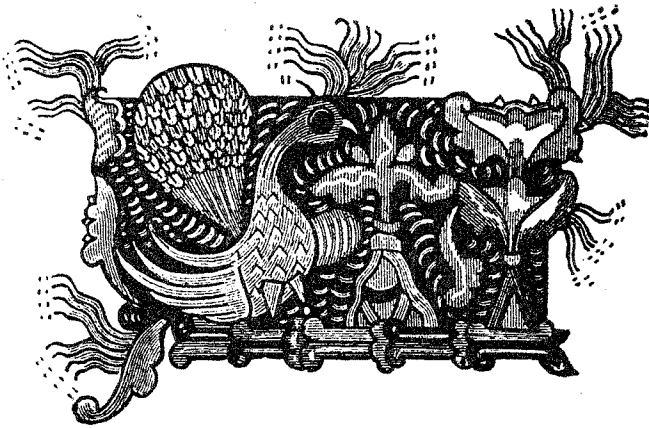
Однако, глубокое внутреннее убѣжденіе въ ошибочности мнѣній по данному вопросу мѣстныхъ историковъ, вмѣстѣ съ нежеланіемъ сознательно повторить ошибку кого-либо изъ нихъ и побудило меня, отступивъ отъ намѣченной программы, изложить здѣсь болѣе подробно свои сужденія, устанавливающія новую точку зрѣнія въ вопросѣ о времени основанія города Ярославля.

Насколько удачно разработанъ и освѣщенъ здѣсь этотъ вопросъ, судить о томъ, конечно, не мнѣ,—это ужъ дѣло нелицепріятной исторической критики, если трудъ будетъ достоинъ ея вниманія.

Ни мало не смутитъ меня, если критика не оставитъ камня на камнѣ въ этомъ скромномъ трудѣ; напротивъ, это будетъ мнѣ пріятно, такъ какъ тѣмъ самымъ невыясненный научно вопросъ о времени основанія г. Ярославля извлеченъ будетъ, такъ сказать, изъ подъ спуда, явится темой для изслѣдованій въ средѣ авторитетовъ исторической науки, совокупные труды которыхъ, можетъ быть, установить „новую истину“ въ вопросѣ о времени основанія г. Ярославля.

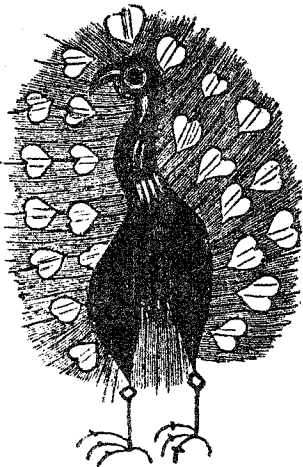
Н. Верховой.

Любить отечество способенъ только тотъ, кто любитъ свою родину; любить же родину дано тому, кому извѣстно ея прошлое.

Авторъ.

времени основанія гор. Ярославля историки, до настоящаго времени трудившіеся надъ этимъ вопросомъ, не даютъ намъ точныхъ, положительныхъ выводовъ. Мнѣнія ихъ въ этомъ отношеніи разнорѣчивы; только относительно личности основателя города установлено однородное мнѣніе, — что г. Ярославль основанъ великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ Мудрымъ.

Нашъ исторіографъ, Н. М. Карамзинъ, о времени основанія Ярославля высказывается болѣе чѣмъ кратко. „Думаю, — пишетъ онъ — что городъ основанъ великимъ княземъ Ярославомъ“ ¹⁾.

Устряловъ полагаетъ, что Ярославль построенъ именно для защиты отъ набѣговъ Черемисъ, издавна обитавшихъ въ нынѣшнихъ восточныхъ губерніяхъ ²⁾.

¹⁾ Исторія Карамзина (по Эйнерлингу) т. II, стр. 54.

²⁾ Рус. Ист. ч. I, стр. 72.

Мнѣнія мѣстныхъ историковъ по вопросу о времени основанія г. Ярославля также разнорѣчивы.

Такъ, о. протоіерей Троицкій въ трудѣ своемъ ³⁾ проводитъ мысль, что „Ярославъ построилъ г. Ярославль, конечно, не во время кровопролитныхъ браней на югѣ Руси съ своими братьями и, безъ сомнѣнія, уже не въ глубокой старости, ибо тогда было не до того чтобы заниматься постройкою городовъ въ странѣ, отдаленной отъ центра тогдашней жизни и дѣятельности княжеской: престольный Кіевъ отсюда далеко. Итакъ для опредѣленія времени о построеніи города надобно искать такой періодъ въ жизни Мудраго Ярослава, когда бы онъ дѣйствительно могъ построить городъ Ярославль; и этотъ періодъ мы находимъ во времени мира и согласія его съ воинственнымъ своимъ братомъ Мстиславомъ. *Это было между 1026 и 1036 годами* (курсивъ нашъ), когда русская земля наслаждалась тишиною и спокойствіемъ, когда Великій Ярославъ въ цвѣтѣ лѣтъ (около 40 лѣтъ), просвѣщенный христіанинъ, мудрый, сильный самодержецъ всей сѣверо-западной Руси, могъ свободно устраивать внутреннее благосостояніе своего государства; могъ, какъ заботливый хозяинъ, обзрѣвать свди владѣнія, строить города и крѣпости, особенно нужныя тогда на сѣверѣ его обширнѣйшихъ владѣній, сопредѣльныхъ съ дикими, воинственными и еще не покоренными народами“.

И. Рогозинниковъ въ статьѣ своей „О времени основанія г. Ярославля“ ⁴⁾ проводитъ мысль, что Ярославъ основалъ городъ своего имени, будучи удѣльнымъ княземъ Ростовскимъ. Мысль свою онъ обосновываетъ *на достоверности* (курсивъ нашъ) древняго свидѣтельства, приводимаго у Татищева ⁵⁾, по которому старшій братъ Ярослава, Вышеславъ Новгородскій, скончался въ 1010 году. Изъ послѣдней даты Рогозинниковъ дѣлаетъ выводъ, что Ярославъ могъ переѣхать на княженіе въ Новгородъ не

³⁾ Исторія г. Ярославля прот. Іоанна Троицкаго, 1853 г., стр. 6—7.

⁴⁾ Пам. книжка Яросл. губ. на 1862 г.

⁵⁾ Татищевъ, т. II, стр. 56: «6518 (1010). Представися въ Новгородѣ Вышеславъ, сынъ Владиміровъ, и даль Владиміръ Новгородъ Ярославу, а Борису—Ростовъ, Ярославлю отчину».

ранѣе этого времени и что, слѣдовательно, на Ростовскомъ удѣлѣ онъ пробылъ съ 11 до 32-лѣтняго возраста, и въ этотъ періодъ времени могъ поставить городъ, хотя бы для защиты отъ нападений со стороны Мери и Черемисы.

Мнѣніе И. Рогозинникова поддерживаетъ и А. Экземплярскій ⁶⁾, говоря о времени основанія Ярославля такъ: „пока нѣтъ основаній отвергать извѣстія Татищева, а потому за послѣднимъ мнѣніемъ надобно признать большую степень близости его къ истинѣ, если ужъ принимать, что Ярославль несомнѣнно основанъ Ярославомъ“.

К. Д. Головщиковъ, авторъ обширнаго компилятивнаго труда ⁷⁾, въ которомъ съ рѣдкою добросовѣстностью сгруппированы историческіе матеріалы, относящіеся до Ярославля, въ вопросѣ о времени построения Ярославля идетъ по слѣдамъ вышеуказанныхъ авторовъ, Рогозинникова и Экземплярскаго.

„Изъ всего до сихъ поръ сообщеннаго, говоритъ онъ въ своемъ трудѣ, *можно, какъ думается* (курсивъ нашъ), вывести лишь слѣдующее: Ярославль основанъ, какъ единогласно говорятъ и всѣ изслѣдователи, великимъ княземъ Ярославомъ I Владиміровичемъ не позже 1010 года. Сюда онъ прибылъ изъ Ростова по Которости. Возможно также допустить, что раньше построения Ярославля, какъ города, какъ крѣпости, было здѣсь какое-либо селеніе, носившее, можетъ быть, названіе Медвѣжьяго угла“.

Иную мысль проводить незабвенный В. И. Лѣствицынъ, всю свою жизнь трудившійся надъ разработкой исторіи мѣстнаго края.

Онъ положительно утверждаетъ, что годомъ основанія Ярославля, какъ города и крѣпости съ чисто русскимъ (христіанскимъ) населеніемъ былъ годъ 1024 ⁸⁾.

Мнѣніе его, слѣдовательно, въ общихъ чертахъ одно-одно съ приведеннымъ выше мнѣніемъ автора исторіи

⁶⁾ Ярославскіе Владѣтельные Князья. (Статья А. В. Экземплярскаго). Яр. 1887 г. стр. 2.

⁷⁾ К. Д. Головщиковъ. Исторія города Ярославля. Ярославль, 1889 г., стр. 20.

⁸⁾ Церковь Петра и Павла, что на Волгѣ, въ Ярославлѣ. Яр. 1878 г.

города Ярославля, о. протоіерея Троицкаго, съ тою лишь разницею, что послѣдній только предположительно устанавливаетъ время основанія Ярославля періодомъ времени между 1026—1036 г.г., а первый положительно опредѣляетъ и самый годъ основанія.

Не касаясь разности въ датахъ, нельзя не признать цѣннымъ мнѣніе этихъ авторитетныхъ историковъ. Цѣнность заключается въ томъ, что они не придали исторической достовѣрности указанію Татищева о годѣ смерти Вышеслава, т. е. не придали исторической достовѣрности тому свѣдѣнію, которое историки противнаго лагеря ⁹⁾ считали исторически абсолютно достовѣрнымъ и только на немъ обосновывали выводъ, что Ярославль могъ быть основанъ Ярославомъ въ періодъ, когда онъ былъ княземъ Ростовскимъ.

Слѣдовательно, устранить основную разность мнѣній о времени основанія Ярославля можно только путемъ возможно болѣе полного обследованія исторической достовѣрности свѣдѣнія Татищева о годѣ смерти Вышеслава.

Приведемъ здѣсь снова древнее свидѣтельство Татищева: „6518 (1010) Представися въ Новгородѣ Вышеславъ сынъ Владиміровъ и далъ Владиміръ Новгородъ Ярославу, а Борису—Ростовъ, Ярославлю отчину“.

При критическомъ отношеніи къ этому свидѣтельству у cadaго историка, знакомаго съ языкомъ нашихъ лѣтописей, невольно возникнетъ сомнѣніе въ древности свидѣтельства. Ужъ слишкомъ странный языкъ этой хроники, представляющій какую то неопредѣленную смѣсь языка современнаго исторіографу Татищеву съ языкомъ лѣтописей конца XVI вѣка, что особенно рѣзко выражается при сопоставленіи слова хроники „въ Новгородѣ“, вмѣсто обычнаго древнелѣтописнаго „въ Новѣгородѣ“ и затѣмъ въ словахъ: „Ярославлю отчину“ ¹⁰⁾. Сомнѣніе усиливается еще и потому, что разсматриваемая хроника относится къ тому именно періоду времени, событія котораго весьма слабо освѣщаются нашими лѣтописями (997—1014 г.г.).

⁹⁾ И. Рогозинниковъ, А. В. Экземплярскій и К. Д. Головицковъ.

¹⁰⁾ Отчины (вотчины) на языкѣ лѣтописей являются извѣстными въ концѣ XVI вѣка. Карамзинъ. Ключъ къ исторіи Государства Россійскаго, стр. 474.

Про этотъ періодъ въ русской исторіи Карамзинъ пишетъ: „Но здѣсь преданія оставляютъ, кажется, Нестора, и въ теченіе семнадцати лѣтъ онъ сказываетъ намъ только, что въ 1000 году умерли Мальффрида—одна изъ бывшихъ Владиміровыхъ женъ, какъ надобно думать—и знаменитая несчаціемъ Рогнѣда, въ 1001 Изяславъ, а въ 1003 младенецъ Всеславъ, сынъ Изяславовъ; что въ 1007 году привезли иконы въ Кіевскій храмъ Богоматери изъ Херсона или изъ Греціи, а въ 1011 скончалась Анна, супруга Владимірова“...

Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: почему лѣтописецъ отмѣтилъ: подъ 1001 г. кончину Изяслава, подъ 1003—кончину младенца Всеслава, подъ 1011—кончину Анны, но не отмѣтилъ подъ 1010 кончины Вышеслава. Столь крупное событіе, какъ кончина Вышеслава, старѣйшаго по правамъ между другими сыновьями Владиміра, едва-ли могло бы ускользнуть отъ наблюдательности лѣтописца, если бы дѣйствительно было.

Далѣе. Свидѣтельство Татищева о годѣ смерти Вышеслава могло бы имѣть нѣкоторую долю исторической достовѣрности только тогда, когда о смерти Вышеслава не было бы упоминаній въ другихъ историческихъ хроникахъ; между тѣмъ подъ 988 годомъ значится, что вслѣдъ за крещеніемъ, Владиміръ, слѣдуя обыкновенію тѣхъ временъ, раздѣлилъ государство на области, и „посади Ярослава въ Ростовѣ: умершу же старѣйшему Вышеславу, посади Ярослава въ Новѣгородѣ“¹¹⁾. На этомъ свидѣтельствѣ лѣтописца, не опровергаемомъ историками, необходимо остановить должное вниманіе.

Здѣсь, въ одной краткой хроникѣ лѣтописецъ повѣствуетъ сразу о двухъ событіяхъ, не имѣющихъ между собой тѣсной внутренней связи. Въ одномъ повѣствованіи связаны неразрывно: дѣленіе государства на области, раздача послѣднихъ сыновьямъ и смерть Вышеслава. Если признать, что въ лѣтописяхъ болѣе всего соблюдалась хронологическая послѣдовательность событій, то приведенное свидѣтельство лѣтописца даетъ полное основаніе

¹¹⁾ Ист. Карамзина т. I, гл. IX, прим. 465.

сдѣлать выводъ, что Вышеславъ умеръ вслѣдъ за полученіемъ въ удѣль Новгородъ, быть можетъ, не успѣвъ туда и отправиться, т. е. въ 988 году; слѣдовательно и Ярославъ, получивъ первоначально въ удѣль Ростовъ и не успѣвъ еще туда отправиться, былъ перемѣщенъ на удѣль Новгородскій. Высказанное предположеніе получаетъ полную историческую достовѣрность, если дополнить его краткимъ указаніемъ лѣтописей изъ повѣствованія о Любечской битвѣ Ярослава со Святополкомъ въ 1016 году, именно: „и бы тогда (въ 1016 г.) Ярославъ въ Новгородѣ лѣтъ 28“, т. е. отъ 988 г., къ которому лѣтописецъ относитъ раздѣленіе государства на области, до 1016. ¹²⁾

Если недостаточно приведенныхъ свидѣтельствъ и логическихъ выводовъ, опровергающихъ историческую достовѣрность апокрифической хроники Татищева о годѣ смерти Вышеслава,—хроники, признанной основнымъ и единственнымъ доводомъ при рѣшеніи вопроса о времени построения Ярославля И. Рогозинниковымъ и его единомышленниками, то можно привести еще косвенныя сужденія, которыя также говорятъ не въ пользу Татищевского свидѣтельства.

Здѣсь является необходимость коснуться личности Ярослава. Ярославъ Мудрый, по выраженію лѣтописи, былъ „христіанъ“ и „утвердилъ вѣру христіанскую въ отечествѣ нашемъ“. Своимъ тонкимъ, проницательнымъ умомъ онъ видѣлъ, что залогъ будущаго благополучія государства російскаго заключается въ распространеніи всеобщей грамотности, какъ звена, соединяющаго народъ со знатью, съ какою цѣлью онъ, взявъ „Бѣлзы и, прииде къ Новгороду, собра отъ старостъ и поповыхъ дѣтей триста учити книгамъ“ (1030); затѣмъ къ ученію книжному онъ приобщилъ и обученіе „пѣтью церковному“; далѣе: „собра писцы многи, прекладаше отъ грекъ въ славянское писма и списана книги многи“; другой вариантъ: „книги, многи написавъ, положи въ церкви св. Софьи, юже созда самъ“.

Вообще, пробѣгая книженіе Ярослава, нельзя не от-

¹²⁾ Карамзинъ т. II, прим. 9.

мѣтитъ того факта, что все его мѣропріятія по управленію княжествомъ въ языкѣ лѣтописей относятся именно къ нему и обратно, — не видимъ ни одного намека на его имя, просматривая лѣтопись Ростовской іерархіи въ періодъ съ 992 года.

Если бы онъ былъ въ это время въ Ростовскомъ удѣлѣ, то, несомнѣнно, дѣйствовалъ бы, какъ „христіинъ“, утвердившій „вѣру хрестыянскую“ въ отечествѣ нашемъ, и имя его, какъ ревнители православія, сохранилось бы въ лѣтописяхъ церковныхъ.

Но что же мы видимъ? Какіе плоды получились отъ сѣянія сѣмени добраго — Свѣта и Правды Христовой — среди ростовцевъ первыми греческими миссіонерами, Феодоромъ и Иларіономъ? Первый изъ нихъ поставилъ въ Ростовѣ церковь дубовую Успенія Пресвятой Богородицы, очевидно, съ тою цѣлю, чтобы благолѣпіемъ священнослуженія въ храмѣ воздѣйствовать на идолопоклонниковъ, и тѣмъ облегчить выполненіе своей миссіи. Однако, эта мѣра не воздѣйствовала на упрямыхъ ростовцевъ: Феодоръ и Иларіонъ послѣ тщетныхъ попытокъ обращенія въ православіе язычниковъ ростовцевъ, по словамъ лѣтописей, отсюда „избѣжеста, нестерпи досажденія людского“. Послѣ ихъ (съ 992 г.) ростовскій край не просвѣщался свѣтомъ православія нѣсколько десятилѣтій до замѣщенія Ростовской кафедры св. Леонтіемъ, воспріявшимъ мученической конецъ: „его же невѣрніи (ростовцы), много мучивше, убиша“.

Второй епископъ ростовскій (послѣ св. Леонтія), святой Исаія, хиротонисанный въ 1077 году, по словамъ лѣтописей, обходилъ города и мѣста ростовской и суздальской земли, и приводилъ тамъ населеніе въ вѣру Христову, предавая огню идоловъ.

Такова печальная картина событій того времени въ землѣ ростовской на пространствѣ чуть ли не цѣлаго вѣка.

Возможно ли было такое упорство ростовцевъ, если бы Ростовъ дѣйствительно былъ удѣломъ Ярославъ?

Всякій, только хотя бы частію уяснившій себѣ личность Ярослава — его характеръ, отвѣтитъ на поставленный вопросъ отрицательно.

Ярославъ, прозванный Мудрымъ, дѣйствительно, былъ мудръ, какъ змѣй и далеко не незлобивъ, какъ голубь. Онъ крѣпко держалъ власть въ своихъ рукахъ и не терпѣлъ своеволя, которое прекращалъ всегда въ самомъ корнѣ быстро и рѣшительно, прибѣгая иногда къ рискованнѣмъ мѣрамъ. Онъ любилъ простой народъ, видя въ немъ и главныя платежныя силы и главный элементъ состава своихъ ратныхъ дружинъ.

Все это съ достаточною ясностью обрисовывается, если вспомнить его своевольный отказъ отцу въ платежѣ великокняжеской дани, слѣдовавшей послѣднему по обычаямъ того времени съ новгородцевъ. Узнавъ, что за отказъ въ дани отецъ собирается на него войной, Ярославъ призываетъ себѣ въ помощь варяговъ и готовится къ отпору, т. е. изъ чисто отеческой любви къ народу готовится поднять рать на отца. Не смотря на важность этого момента, не терпя своеволя, онъ дѣлаетъ смѣлую выходку: избиваетъ въ своемъ загородномъ новгородскомъ дворцѣ тысячу нарочитыхъ мужей (знати) за самовольное избіеніе послѣдними заморской вольницы (варяговъ), во время стоянки въ Новгородѣ, въ ожиданіи похода, начавшей сильно пошалить. Вслѣдъ за этимъ, смѣлымъ поступкомъ, Ярославъ, узнавъ о смерти отца и убіеніи Святополкомъ братьевъ (Бориса и Глѣба), созываетъ вѣче на полѣ (слѣдовательно, — простой народъ), кается предъ нимъ въ избіеніи знати, проситъ помощи, и ведетъ новгородцевъ наказать братоубійцу — Святополка; разбиваетъ его въ битвѣ на р. Любечѣ, возвращается въ Кіевъ и щедро награждаетъ участниковъ похода, давъ въ награду каждому чиновнику и новгородцу по 10 гривенъ, а остальнымъ по гривнѣ.

Такова личность Ярослава Мудраго, отражаемая лѣтописями. Если бы такой мужъ сидѣлъ на ростовскомъ удѣлѣ, то, можно увѣренно думать, не допустилъ бы того, что случилось съ первыми миссіонерами въ землѣ ростовской, Феодоромъ и Иларіономъ, которые сбѣжали изъ Ростова, „нестерпя досажденія людскаго“.

Возможно ли послѣ всего сказаннаго признать абсо-

лютную историческую достовѣрность за извѣстіемъ Татищева о годѣ смерти Вышеслава,—предоставляемъ то на судъ читателей и лицъ, заинтересованныхъ въ научномъ выясненіи вопроса о времени основанія г. Ярославля, что, собственно и составляетъ главную задачу настоящаго труда.

Не ограничиваясь изложенными доводами, въ противность мнѣнію, что Ярославль основанъ Ярославомъ Мудрымъ въ бытность его удѣльнымъ княземъ Ростовскимъ, приведемъ здѣсь еще свѣдѣнія, сохранившіяся въ мѣстныхъ лѣтописяхъ, заслуживающія, во всякомъ случаѣ, большей исторической достовѣрности, чѣмъ свидѣтельство Татищева.

Въ топографическомъ описаніи Ярославскаго намѣстничества, изданномъ въ Ярославлѣ въ 1794 году, помѣщенъ разсказъ о началѣ г. Ярославля. По разсказу этому, городъ Ярославль начало свое воспріялъ при великомъ князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ. О семъ—говорится далѣе—*въ древнемъ лѣтописцѣ* (курсивъ нашъ) такъ повѣствуется: лѣто отъ начала міра 6524 (1016). Той годъ убилъ Святполкъ братьей своихъ Бориса и Глѣба. Тогда великій князь Ярославъ прогналъ братоубійцу Святполка изъ Кіева и *потомъ* пошелъ осмотрѣть послѣ братій своихъ Бориса и Глѣба праздныхъ княженій. *Вѣда* раздѣлихъ оныи и помирихся съ братомъ своимъ Мстиславомъ, въ лѣто 6532 (1024), тогда шедъ изъ Новагорода первѣе сушею, а потомъ въ судахъ и Волгою рѣкою, и ста на берегу Волги рѣки, идѣже нынѣ градъ Ярославль, изволи (пожелалъ, выразилъ намѣреніе) тутъ быти граду въ свое имя Ярославъ... *И потомъ* шедъ той великій князь Ярославъ въ Ростовъ. *И потомъ* присла всякихъ мастеровъ, перевелъ многихъ переведенцевъ жити въ немъ, и тако бысть начало граду Ярославлю“.

Это свѣдѣніе, заимствованное изъ древняго лѣтописца, восполняется другимъ, ему подобнымъ, сохранившимся въ запискахъ ростовскаго архіепископа Самуила Миславскаго (1776—1783), правда, съ фантастическими узорами по исторической канвѣ. Последнее, впрочемъ, какъ легко

отдѣляемое, не умаляетъ историческаго значенія этого повѣствованія „о построеніи града Ярославля“. Вотъ оно.

„Въ области Ростовстѣй, не на мнозѣ пути отъ града Ростова, яко на 60 поприць, при брезѣ рѣки Волги и Которосли, лежаше нѣкое мѣсто, на немъ же послѣди создася славный градъ Ярославль. И сіе мѣсто бысть зѣло пусто: зане высокая древеса растуца да травяны пажити точію обрѣтахуся. — И се бысть селище, рекомое „Медвѣжій Уголь“, въ немъ же насельницы—человѣцы поганыи вѣры, языцы, зли суще. И вельми страшно мѣсто сіе бысть; зане оніи человѣцы, живяше точію по своей воли, яко мнози, и грабленія и кровопролитія вѣрнымъ творяша. Въ дѣланіе же смысленна прилепяхуся, егда на звѣри или ловъ рыбѣ исходяше. Держаша же сіи людіа и мнози скотіи и сими себя насыщаху. Идолъ, ему же кланястася сіи, бысть Волосъ, сирѣчь, скотій богъ. Сему многокозненному идолу и кереметь ¹³⁾ створена бысть и волхвъ вданъ, а сей неугасимый огнь Волосу держа и жертвенная ему кури. Тако егда прииде первый спуть скотіи на пажити, волхвъ закала ему тельца и телицу, въ обычное же время отъ дикихъ звѣрей жертвенное сожига, а въ нѣкихъ, зѣло больныхъ, днѣхъ — и отъ человѣкъ.

И вельми почтенъ бысть сей волхвъ у языцевъ... И тако сіи человѣцы жиша мнози лѣты.

Въ нѣкоемъ лѣтѣ прилучися благовѣрному князю Ярославу плыти на ладіяхъ съ сильною и великою ратью по рѣцѣ Волгѣ, у праваго берега оной, идѣже стояше то селище, зовомое Медвѣжій Уголь. Князь узрѣ, яко нѣкіи людіе жестоцы наносяху гибель судомъ, шествовавшимъ съ товары по Волгѣ, куницы же на суднѣхъ сихъ крѣпко обороняхуся, но не возмогоша одолѣти силу окаянныхъ, яко разбойницы сіи и суда ихъ предаваху запаленію огненну. Согляда вся творимая, благовѣрный князь Ярославъ повелѣ дружинѣ своей устрашити и разгнати шатаніе сихъ беззаконныхъ, да спасутся неповинніи. И дружина князя храбро наступи на враговъ, яко сіи окаянніи на-

---

¹³⁾ Кереметь — мѣсто языческаго богослуженія у восточныхъ народовъ Финскаго племени.

чаху отъ страха трепетати и въ велии ужасѣ скоро помчяхуся въ ладяхъ по Волгѣ рѣцѣ. Дружина же князя и самъ князь Ярославъ погнахуся за невѣрными, да оружіемъ браннымъ погубятъ сихъ. И, о, велии Божія милость, и сколь неизреченны и неизслѣдимы судьбы его, и кто исповѣсть милость его къ христіанамъ! Молитвами Пречистыя Богородицы и святыхъ угодниковъ его, княжее воинство побѣди враговъ на мѣстѣ, идѣже нѣкое сточіе водно исходи въ Которосль, за нимъ же и селище то стояше. И благовѣрный князь поучи людей оныхъ како жити и обиды не творити никому же, а напаче, дозна богомерзкую вѣру ихъ, моли ихъ креститися. И людие сіи клятвою у Волоса обѣщашу князю жити въ согласіи и оброцы ему даяти, но точию не хотяху креститися. И тако благовѣрный князь отыде въ престольный градъ свой Ростовъ. Не по мнзѣмъ же времени князь Ярославъ умысли паки прибыти въ Медвѣжій Уголь. И прибы сѣмо со епископомъ, со пресвитеры, діаконы и церковники, мастера и съ воины; но егда входи въ сіе селище, людие сіи испустиша отъ клѣти нѣкоего люта звѣря и псовъ, да растешутъ князя и сущихъ съ нимъ. Но Господь сохрани благовѣрнаго князя: сей сѣкпрою своею побѣди звѣря, а пси, яко агнцы, не прикоснушася никомуждо отъ нихъ. И видѣша безбожнии и злимъ людие вся сія, ужасошася и падоша ниць князю и быша аки мертвы. Благовѣрный же князь мощнымъ гласомъ спмъ людямъ возгласи: кто убо вы, не есте ли тии людие, кои клятвою увѣряху предъ вашимъ Волосомъ вѣрно служити мнѣ, князю вашему? Кійже онъ богъ, яко и клятву при немъ створенну сами преступиша и попраша? Но вѣсте, яко азъ не на потѣху звѣрину или на пиръ многоцѣнна питія испивати пришедль, въ побѣду сотворити. И слыша глаголы сія, невѣрнии людие не возмогоша отвѣщевати ни единого словесе. Посемъ благовѣрный князь опасно согляда все мѣсто пусто, наутрїи же изъ шатра своего изнесе икону Богоматери съ Предвѣчнымъ Ея Младенцемъ, Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ, и со епископомъ, и со пресвитеры, и со всѣмъ духовнымъ чиномъ, и съ мастерами, и съ

воины, прииде на брегъ Волги и тамо на острову, его же учредиша рѣки Волга и Которосль и проточіе водное, постави на мѣстѣ уготованномъ икону Богоматери и повелѣ епископу сотворити предъ нею молебное пѣніе и свитити воду и сею кропити землю; самъ же благовѣрный князь водрузи на земли сей (?) деревянъ крестъ, и ту положи основу святому храму пророка Божія Илиі. А храмъ сей посвати во ими сего святаго угодника, яко хищнаго и лютаго звѣря побѣди въ день его (20 іюля). Посемъ христілюбивый князь повелѣ народу рубити дерева и чистити мѣсто, идѣже умысли и градъ создати. И тако дѣлатели начаша строити церковь святаго пророка Илиі и градъ созидати. Градъ сей благовѣрный князь Ярославъ назва во свое имя Ярославлемъ, насели его христіанами; а въ церкви постави пресвитеры, діаконы и клирики. Но егда же и построенъ градъ Ярославль, насельницы Медвѣжьяго Угла не приобщахуся граду, живяху особъ и кланяхуся Волосу“.

Далѣе слѣдуетъ описаніе обращенія въ христіанство и крещенія этихъ язычниковъ. Опуская содержаніе его, какъ ни мало не уясняющее разсматриваемый вопросъ, приводимъ здѣсь только въ выдержкахъ окончаніе этого описанія.

....Пресвитеръ же, „не мало поуча народъ“, совѣтоваль просить князя и епископа построить на мѣстѣ бывшей керемети церковь св. Власія, епископа Севастійскаго „яко сей угодникъ Божій весьма силенъ своимъ ходатайствомъ къ Богу разорити навѣты діавола и сохранити скоріе людей христіанскихъ“. Такъ и было сдѣлано. И „егда освати храмъ, бѣсъ преста страхованія творити и скоріе на пажити сокрушати“.

Теперь дополнимъ эти мѣстные лѣтописи свѣдѣніями о гербѣ города Ярославля, имѣющимися въ Московскомъ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Тамъ имѣется дѣло, отъ 18 іюля 1692 года о „устроеніи городу Ярославлю печати по гербу съ надписью“¹⁴⁾.

¹⁴⁾ П. Токамовъ. Сборникъ и указатель архивныхъ документовъ, относящихся до Ярославской губ., хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ Мин. Ии. Дѣлъ. Ярославль. 1888 г. стр. 1—2.

Актомъ этимъ цари Иоаннъ и Петръ Алексѣевичи указали „въ Ярославлѣ, въ Приказной избѣ для своихъ великихъ государей и челобитчиковыхъ дѣлъ быть печати, изображеніемъ гербъ Ярославской, а сдѣлать тоѣ печать изъ государственнаго Посольскаго приказу серебряную и вызолотить, а кругомъ той печати подписать свое великихъ государей именованіе съ титуломъ, а подъ тѣмъ написать: „печать града Ярославля“, а сдѣлавъ тоѣ печать, прислать въ Розрядъ къ боярину, къ Тихону Никитичу Стрѣшневу съ товарищи“.

По этой памяти сдѣлана была слѣдующая справка: „Въ Государственномъ Посольскомъ Приказѣ въ государственной книгѣ, въ гербахъ княженія Ярославскаго, написанъ гербъ: въ кругу медвѣдь черной, стоитъ на заднихъ лапахъ, въ правой ногѣ передней держитъ протаванъ, а лѣвую переднюю ногу протянулъ; подъ нимъ написанъ лѣсъ и трава, подписано только: „Ярославскій“. А около печатей иныхъ городовъ, которыми печатаются къ великимъ государемъ отписки, подписи таковы: Новгородской — „печать государства Новгородскаго“, Псковской — „печать государства Псковскаго“, Смоленской — „печать царскаго величества княжества Смоленскаго“ да въ срединѣ въ той печати подъ гербомъ написано птица гамаюнъ. А великихъ государей именованіе и титулъ около тѣхъ печатей не подписано.

А нынѣ указали великіе государи сдѣлать печать гербу Ярославскаго.

А въ памяти изъ Розряду, за приписью дьяка Степана Ступина, написано, чтобы кругомъ той печати подписать ихъ великихъ государей именованіе съ титулами, а потомъ написать: „печать града Ярославля“.

И около той печати, что велѣно сдѣлать Ярославской гербъ, великихъ государей именованіе и титулы подписывать ли, или подписать только противъ печатей иныхъ городовъ посему: печать царскаго величества княженія Ярославскаго, или „печать княженія Ярославскаго“, или „печать царскаго величества града Ярославля“ или только

„печать града Ярославля“, о томъ великіе государи что укажутъ“.

200 году іюля въ 20 день, по указу великихъ государей и по памяти изъ Розряду—сдѣлать княжества Ярославскаго печать, величиною противъ Псковской и Смоленской, серебряную изъ Посольскаго приказу, а вырѣзать на той печати знакъ княженія Ярославскаго, который написанъ въ Посольскомъ приказѣ въ книгѣ гербовой, а подпись на ней подписать также, какъ на Смоленской печати“.

Заклучимъ сводъ историческихъ свѣдѣній, прямо и косвенно относящихся до вопроса о времени построения г. Ярославля, выдержкой изъ лѣтописи Нестора по Лаврентьевскому и воскресенскому спискамъ.

Подъ 1024 годомъ тамъ повѣствуется о походѣ Ярослава въ землю Суздальскую, по случаю бывшаго въ ней голода и мятежа.

Лѣтописецъ говоритъ объ этомъ событіи такъ: „въ се же лѣто вѣсташа вѣлѣси въ Суждали, избиваху старую чадь по дьяволу наученью и бѣсованью, глаголюще, я си держать гобино. Бѣ мятежъ великъ и голодъ по всей той странѣ: идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары и привезоша жито и тако ожиша. Слышавъ же Ярославъ волхвы, приде Суздалью: изъимавъ волхвы, расточи, а другыя показни, рекъ еще: Богъ наводитъ по грѣхамъ на куюждо землю гладомъ или моромъ ли ведромъ ли иною казнью, а человекъ ни вѣсть ничтоже ¹⁵⁾. Христость Богъ единъ на небесѣхъ. И, возвратився великій князь Ярославъ, приде къ Новгороду ¹⁶⁾“.

Теперь, при наличности приведенныхъ здѣсь историческихъ данныхъ, можно коснуться и выясненія вопроса о времени основанія Ярославля.

Сначала попытаемся отдѣлить историческую основу отъ риторическихъ прикрасъ въ нѣкоторыхъ повѣствованіяхъ.

Свидѣтельство древняго лѣтописца, помѣщенное въ

---

¹⁵⁾ По Лаврентьевскому списку. Полн. Собр. Лѣт., т. I, 64.

¹⁶⁾ По Воскресенскому списку. Полн. Собр. Лѣт., т. VII, 328.

топографическомъ описаніи Ярославскаго намѣстничества (1794 г.), безспорно, имѣетъ за собою большую историческую достовѣрность, чѣмъ свидѣтельство Татищева, о которомъ подробно говорено выше, такъ какъ оно въ основѣ своей подкрѣпляется свидѣтельствомъ Нестора.

Несомнѣнно большую историческую цѣнность имѣло бы это повѣствованіе, если бы оно сохранилось въ первоначальной своей редакціи, имѣвшей, очевидно, болѣе подробныя свѣдѣнія о путешествіи великаго князя Ярослава и пострадавшей отъ свободнаго переложенія ея позднѣйшими лѣтописесписателями и смѣшенія ея съ другими новѣйшими о томъ же повѣствованіями.

Начальная редакція этого повѣствованія, можно думать, изложена была со словъ лица, принимавшаго участіе въ этомъ путешествіи великаго князя Ярослава, чѣмъ и можно объяснить сохранившуюся, хотя и не имѣющую значенія въ этомъ повѣствованіи подробность, — что великій князь „шедъ изъ Новгорода первѣе сушею, а потомъ въ судахъ и Волгою рѣкою осмотрѣть Ростовскаго княженія“...

Если эта гипотеза не противорѣчитъ законамъ исторической критики, то нельзя здѣсь не отмѣтить того важнаго обстоятельства, что въ повѣствованіи этомъ нѣтъ упоминанія о волхвахъ и голодѣ въ землѣ Суздальской, т. е. нѣтъ того указанія о главной причинѣ поѣздки великаго князя въ Ростовское княженіе, какое приведено въ лѣтописи Нестора.

Какія же несомнѣнныя историческія истины даетъ намъ эта лѣтопись?

Она устанавливаетъ годъ основанія города Ярославля великимъ княземъ Ярославомъ Мудрымъ, именно—1024.

Она указываетъ, что первыми поселенцами города были „переведенцы“.

Она выясняетъ, что въ первый проѣздъ изъ Новгорода для осмотра Ростовскаго княженія Ярославъ только изволи, т. е. пожелалъ, выразилъ намѣреніе, тутъ быти граду въ честь своего имени, но фактически осуществилъ

намѣреніе потомъ, въ другой приѣздъ, хотя и въ томъ же году.

Нарушая порядокъ послѣдовательности въ разсмотрѣніи лѣтописныхъ извѣстій, скажемъ теперь нѣсколько словъ о приведенномъ выше свидѣтельствѣ Несторовой лѣтописи.

Эта краткая хроника, какъ не имѣющая въ своемъ содержаніи никакихъ наслоеній, констатирующая одни только факты того времени, не нуждается въ критическомъ ея разсмотрѣніи.

Она устанавливаетъ только, что великій князь Ярославъ въ 1024 году былъ въ Суздальской землѣ, подавилъ волненіе и устранилъ голодъ, сдѣлавъ распоряженіе о закупкѣ и привозѣ хлѣба изъ страны Болгаръ, и затѣмъ „возратився великій князь Ярославъ приде къ Новгороду“.

Здѣсь нѣтъ и намека на то, чтобы въ эту же поѣздку великій князь положилъ основаніе г. Ярославлю, между тѣмъ, еслибъ такое событіе въ дѣйствительности совершилось, то оно не ускользнуло бы отъ наблюдательнаго лѣтописателя земли русской.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію „Сказанія о построеніи града Ярославля“, сохранившася въ запискахъ Ростовскаго Архіепископа Самуила Миславскаго.

Этотъ документъ имѣетъ иную совѣтъ редакцію въ сравненіи съ предыдущими.

Краткій, сухой языкъ древнихъ лѣтописей замѣняютъ здѣсь, выражаясь образно, высокимъ слогомъ.

Языкъ этого сказанія безъ большихъ сомнѣній можно отнести къ концу XVII или началу XVIII вѣка.

Остается не обосновательное только сомнѣніе въ томъ: правильно ли названіе этого сказанія?

Какъ видно, исходною точкою въ сказаніи служитъ повѣствованіе о начальномъ построеніи въ Ярославлѣ на мѣстѣ керемети идола Волоса церкви св. Власія, а введеніе въ сказаніе свѣдѣній о началѣ г. Ярославля служитъ только какъ бы вступленіемъ. Поэтому было бы правильнѣе этому сказанію придать заглавіе не „О построеніи

града Ярославля“, а „О начальномъ построеніи въ Ярославлѣ церкви во имя св. Власія“. Переработано оно, какъ надо думать, изъ древнѣйшаго ему подобнаго сказанія, на что указываютъ подробности о бытѣ насельниковъ „Медвѣжьяго угла“—язычниковъ, т. е. свѣдѣнія, какихъ не имѣется въ другихъ, разсматриваемыхъ здѣсь, историческихъ документахъ. Такимъ образомъ, сказаніе это въ своихъ главныхъ основаніяхъ является исторически цѣннымъ.

Теперь подкрѣпимъ высказанную догадку о происхожденіи сказанія „слѣдующими доводами“.

Слово это или сказаніе, какъ упомянуто выше, сохранилось въ запискахъ архіепископа Ростовскаго, Самуила Миславскаго.

Извѣстна записка архіепископа: „Церкви города Ярославля въ 1781 году“¹⁷⁾, составленная по предложенію Ярославскаго намѣстника, А. П. Мельгунова, которому надобно было имѣть „извѣстія о соборахъ, монастыряхъ, какъ мужскихъ такъ и женскихъ и прочихъ приходскихъ церквахъ, гдѣ оныхъ и сколько есть, во имя какое, кѣмъ и на какомъ положеніи созиждены, со всѣми ихъ перемѣнами и приключеніями“. При составленіи записки были сдѣланы, конечно, соответственные запросы по приходамъ.

Отъ прихода Власьевскаго, въ числѣ свѣдѣній на запросъ: „кѣмъ и на какомъ положеніи созиждены, со всѣми ихъ перемѣнами и приключеніями“, весьма вѣроятно, какъ отвѣтъ и было представлено „сказаніе о построеніи града Ярославля“ въ формѣ извѣстія о начальномъ построеніи церкви св. Власія.

Свѣдѣніемъ этимъ, какъ не носицимъ характера officialнаго, архіепископъ Самуиль не воспользовался при составленіи записки о церквахъ города Ярославля, но сохранилъ его въ своихъ запискахъ, какъ матеріаль, не лишенный извѣстной степени историческаго интереса.

Въ такомъ видѣ намъ представляется исторія „сказанія о построеніи града Ярославля“ въ запискахъ архіепископа Ростовскаго, Самуила Миславскаго.

¹⁷⁾ Издана В. И. Лѣвницкимъ. Ярославль, 1874 г.

Произведя критическую оцѣнку „сказанія“, необходимо выдѣлить изъ него историческія основы, — выдѣлить изъ него тотъ историческій матеріалъ, который собою не вызываетъ сомнѣній, не противорѣчитъ и другимъ извѣстіямъ о томъ далекомъ времени.

О годѣ основанія г. Ярославля сказаніе умалчиваетъ; умалчиваетъ также и о голодѣ въ землѣ Суздальской и дѣяніяхъ волхвовъ; въ началѣ сказаніе ограничивается свѣдѣніемъ общаго характера о начальномъ, такъ сказать, знакомствѣ великаго князя съ этою мѣстностью и ея насельниками: „...въ нѣкоемъ лѣтѣ прилучися князю Ярославу плыти на ладіяхъ съ сильною и великою ратью по рѣкѣ Волгѣ“ и т. д. Затѣмъ ниже слѣдуетъ указаніе о вторичномъ посѣщеніи этой мѣстности великимъ княземъ уже съ ранѣе преднамѣченной и строго опредѣленной цѣлью „не на потѣху звѣрину или на пирь — многоцѣнна питія испивати, но побѣду сотворити“, т. е. объявить рѣшительно о присоединеніи этой мѣстности въ составъ своихъ владѣній, создать „градъ“ (крѣпость) и установить формы управленія новымъ краемъ: „Не по мнземъ же времени князь Ярославъ умысли паки прибыти въ Медвѣжій Уголь. И прибы сѣмо со епископомъ, со пресвитеры, діаконы и церковники, мастера и съ воины“, а не съ великою и сильною ратью, съ которою мимо этого мѣста онъ преслѣдовалъ въ первый разъ въ Ростовъ. Если припомнить, что въ тотъ періодъ времени язычество въ Ростовѣ господствовало, а христіанскій элементъ, если не отсутствовалъ, то, во всякомъ случаѣ, былъ ничтоженъ, тогда отпадетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что великій князь „вторично прибылъ и остановился здѣсь для созиданія града не на обратномъ пути изъ Ростова съ одною только сильною и великою ратью, а изъ Новгорода, совѣмъ при иной обстановкѣ и только съ воинами, — съ постоянной своею дружиною, безъ „рати“.

Далѣе исторически цѣннымъ въ сказаніи представляется описаніе мѣста, гдѣ теперь находится г. Ярославль и быта его первообитателей, какъ не содержащее въ себѣ явныхъ анахронизмовъ, равно какъ и не находящее себѣ

серьезныхъ опроверженій въ другихъ историческихъ свѣдѣніяхъ. „Сіе мѣсто, на немъ же послѣди создася славный градъ Ярославль, бысть зѣло пусто: занѣ высокая дрѣвеса растуша да травяны пажити точію обрѣтахуся“... Здѣсь находилось на побережьи Которосли за сточиємъ воднымъ и селище, рекомое „Медвѣжій Уголь“, ¹⁸⁾ насельницы котораго „человѣцы поганыи вѣры—языцы, зли суще“, и, „ониі человѣцы живяше точію по своей воли, яко мнози“... ¹⁹⁾, которые при первомъ проѣздѣ князя мимо этого мѣста, „клятвою у Волоса обѣща князю жити въ согласіи и оброцы ему даяти, но точію не хотиху креститися“; затѣмъ и впослѣдствіи, „егда же построися градъ Ярославль“,—они „не приобщахуся граду, живяше особъ и кланяшеся Волосу“. Послѣднее не идетъ въ разрѣзъ и со свѣдѣніями всеобщей исторіи Государства Россійскаго, отмѣчающими вѣротерпимость Ярослава, который былъ не фанатикъ—христіанинъ, а—христіанинъ „истинный“ и въ то же время разумный политикъ. Въ дѣлѣ проведенія въ жизнь народную новаго религіознаго культа онъ не ставилъ руководствующимъ началомъ крутыя мѣры—насиліе, что практиковалось его отцомъ, великимъ Владиміромъ, напротивъ,—примѣнялъ гуманныя мѣры и терпѣливо выжидалъ плодъ своего труда,—всеобщее просвѣщеніе народа, такъ какъ только этою мѣрою и возможно было провести въ жизнь народную сознательное усвоеніе истинъ вѣры православной. Онъ сознавалъ, что крутыя мѣры,—насилъственное, такъ сказать, навязываніе населенію однѣхъ только внѣшнихъ обрядовыхъ сторонъ новой вѣры можетъ принести отрицательные результаты: озлобить фанатиковъ язычниковъ и тѣмъ еще болѣе усилить ихъ упорствованіе, что въ дѣйствительности мы и видимъ на первыхъ страницахъ исторіи Ростовской іерархіи. И насельниковъ „Медвѣжьяго Угла“ князь не принуждалъ, а „моли“ (уговаривалъ, упрашивалъ только) креститися“. За упорство онъ не изгналъ ихъ, а оставилъ

¹⁸⁾ Приблизительно, гдѣ теперь мѣстность, носящая названіе «Подзеленье». Жили Черемсы въ крутомъ побережьи, конечно, въ землянкахъ, защищенныхъ здѣсь отъ вліянія сѣверныхъ вѣтровъ. Прим. автора.

¹⁹⁾ Жили внѣ подьяченія кому-либо, какъ и многіе изъ нихъ же другіе.

жить въ „Медвѣжьемъ Углу“ съ условіемъ, конечно, „оброцы ему даяти“. Слѣдовательно, онъ дорожилъ ими, какъ платежными силами, а вопросъ о духовномъ ихъ прозрѣніи предоставлялъ времени.

Таковы данныя, вытекающія изъ разсмотрѣннаго сказанія, являющіяся съ нашей точки зрѣнія исторически цѣнными при рѣшеніи вопроса о времени основанія гор. Ярославля.

Остается коснуться теперь дѣла „о устроеніи городу Ярославлю печати по гербу съ надписью“.

Подвергать критической оцѣнкѣ это дѣло, какъ документъ оффиціальнѣй, нѣтъ ни основаній ни надобности. Часть дѣла и приведена выше съ единственной цѣлью подкрѣпить достовѣрность извѣстія въ сказаніи о томъ, что мѣсто, на которомъ находится теперь г. Ярославль, „бысть зѣло пусто: зане высокая древеса растуща, да травяны пажити точію обрѣтахуся“, и что здѣсь было „селище, рекомое „Медвѣжій Уголь“, тоже мы видимъ на гербѣ г. Ярославля въ томъ видѣ, въ какомъ онъ значится въ Государственномъ Посольскомъ Приказѣ, въ государственной книгѣ, въ гербахъ княженія Ярославскаго.

Здѣсь нельзя не усмотрѣть, что гербъ Ярославля, сохранившій на себѣ одну лишь лаконическую надпись „Ярославскій“, представляетъ собою первообразъ, не подвергавшійся въ теченіе многихъ вѣковъ ни какому измѣненіямъ.

Установивъ, такимъ образомъ, древность герба, путемъ обратной ссылки на извѣстіе изъ разсмотрѣннаго выше сказанія, нетрудно дать образное понятіе о проблемѣ самаго герба. Здѣсь снова придется только процитировать слова князя, обращенныя къ язычникамъ и проблема герба будетъ ясна:... „Но вѣсте, яко азъ не на потѣху звѣрину или на пиръ многоцѣнна питія испивати пришедь, но побѣду сотворити“. Въ этихъ словахъ рельефно обрисовывается одна изъ крупныхъ чертъ характера великаго князя Ярослава. Въ нихъ отражается несокрушимая сила воли; за словомъ у него неразлучно слѣдовало и дѣло; онъ былъ временами терпѣливъ, не требователенъ,

высокогуманенъ, какъ истинный христiанинъ, но въ то же время не стѣснялся въ средствахъ, былъ твердъ и рѣшителенъ, когда къ тому вынуждали его обстоятельства. Въ первый проѣздъ свой онъ отнесся къ насельникамъ Медвѣжьяго Угла гуманно: не принуждая креститься, онъ ограничился лишь тѣмъ, что обложилъ ихъ оброкомъ. Впрочемъ, иначе и быть не могло, такъ какъ великій князь въ первый разъ дѣлалъ здѣсь только привалъ, спѣша въ Суздальскую область для подавленiя митгежа, тогда какъ второй разъ онъ прибылъ сюда въ „Медвѣжій Уголъ“ съ нарочитою цѣлью утвердить здѣсь свою власть („побѣду сотворити“) равно и надъ всею прилегающею округой по правому берегу Волги.

Такимъ образомъ, намѣченная мысль осуществлена Ярославомъ: надъ Медвѣжьимъ Угломъ водруженъ символъ его власти; владѣнiя его увеличились цѣлою округой по правому берегу Волги и вверхъ и внизъ съ инородческимъ населенiемъ (Черемисой, конечно), изъ которой позднѣе и образовывается самостоятельное княжество Ярославское. Не надѣясь на миролюбiе и преданность новыхъ своихъ подданныхъ, князь строитъ городъ (крѣпость), называетъ ее своимъ именемъ, — именемъ покорителя новой области, и населяетъ многими переведенцами, безъ сомнѣнiя, любимыми имъ и обратно — всегда вѣрно преданными ему Новгородцами.

„И тако послѣди на мѣстѣ семъ создася славный градъ (въ настоящемъ значенiи, какъ крупно населенный центръ) Ярославль“.

Теперь, когда приведены, имѣющiя ту или иную степень цѣнности, историческiя свидѣтельства, прямо или косвенно уясняющiя вопросъ о начальномъ основанiи Ярославля, когда дана имъ возможная критическая оцѣнка, остается суммировать добытыя этимъ путемъ данныя и ближе коснуться разсматриваемаго вопроса: когда основанъ Ярославль великимъ княземъ Ярославомъ Мудрымъ?

Добытыя данныя даютъ основанiе высказаться положительно, что великій князь Ярославъ Мудрый основалъ Ярославль не тогда, когда былъ удѣльнымъ княземъ Ро-

стовскимъ, но въ бытность свою великимъ княземъ, такъ какъ фактическое его пребываніе въ Ростовѣ, какъ въ своемъ удѣлѣ, является болѣе чѣмъ сомнительнымъ.

Эпоха великаго княженія Ярослава простирается на пространствѣ десятилѣтій (1016—1054), а потому, чтобы ближе опредѣлить время основанія имъ Ярославля, необходимо для того сдѣлать хотя бѣглый обзоръ теченія политическихъ событій того времени.

Повторимъ, въ лѣтописяхъ посѣщеніе великимъ княземъ Ярославомъ Суздальской земли (стало быть, и Медвѣжьяго Угла, такъ какъ путь пролегалъ мимо его) отмѣчено подъ 1024 годомъ. Имѣется много вѣроятій предполагать, что ранѣе этого года Ярославъ не былъ здѣсь ни разу.

Послѣ смерти отца, св. кн. Владиміра, у него было много заботъ и трудовъ бранныхъ въ южныхъ областяхъ великаго княжества.

Въ 1016 году Ярославъ сражается съ братомъ своимъ Святополкомъ на берегахъ Днѣпра у Любеча. Въ 1017—1019 г.г. ведетъ цѣлый рядъ войнъ съ Польскимъ королемъ, Болеславомъ Храбрымъ и союзникомъ его Святополкомъ; проигрываетъ битву на р. Бугѣ и только съ четырьмя воинами уходитъ въ Новгородъ, подъ охрану своихъ вѣрныхъ Новгородцевъ; Болеславъ же со Святополкомъ осаждаютъ столицу великаго князя—Кіевъ; кіявляне, вынужденные осадой, отворяютъ, наконецъ, городскія ворота. Болеславъ со Святополкомъ вступаютъ съ торжествомъ, какъ побѣдители, въ столицу, причемъ послѣдній объявляетъ себя великимъ княземъ; народъ, хотя и не питавшій къ нему искренней пріязни, но не видящій другого исхода, мирится съ обстоятельствами и признаетъ Болеслава великимъ княземъ. Ярославъ, въ это время бывшій въ Новгородѣ, видя, что всякая надежда на возвращеніе имъ великокняжеской власти уже потеряна, заботится только о личномъ спасеніи и рѣшается ради того бѣжать за море къ Варягамъ.

Доблестные Новгородцы спасаютъ Ярослава отъ такого постыдно-малодушнаго поступка.

Они рѣшили съ помощью меча возстановить утраченную Ярославомъ великокняжескую власть, рѣшили или побѣдить, или умереть. Новгородцы, какъ говоритъ исторія, побѣдили; злодѣйствамъ Святополка и ему самому наступилъ конецъ,—его не стало...

Ярославъ, силою меча возвратившій себѣ великокняжескую власть, вернулся съ полемъ битвъ со своей мужественной дружиной въ Кіевъ. Но Кіевъ былъ не тотъ, какимъ былъ раньше. Въ этотъ тяжкій періодъ междоусобицъ, онъ испыталъ еще страшное пожарное бѣдствие, а Болеславъ, отступая изъ предѣловъ Россіи ограбилъ его, захвативъ великое число сокровищъ.—Снявъ доспѣхи бранные, Ярославъ долженъ былъ озаботиться о благоустройствѣ своей великокняжеской столицы. Многочисленность труда требовала, конечно, и соответственное тому количество времени, а тутъ правильное теченіе дѣлъ по благоустройству столицы, въ 1021 г., нарушено было юнымъ, но смѣлымъ княземъ Полоцкимъ, Брячиславомъ, который напалъ на сиротствовавшій тогда безъ князя Новгородъ; ограбилъ жителей; захватилъ множество плѣнныхъ и возвращался въ свое удѣльное княженіе. Ярославъ долженъ былъ охладить воинственный пылъ юнаго князя. Онъ выступилъ для того съ дружиною изъ Кіева, настигъ князя Брячислава и разбилъ на берегахъ рѣки Судомы; возвратилъ свободу своимъ Новгородцамъ плѣнникамъ, но самого князя не преслѣдовалъ въ его предѣлы, дорожа, очевидно, временемъ для внутренняго благоустройства великаго княжества и столицы — въ частности. 1023 годъ несетъ Ярославу печальныя вѣсти о порядковыхъ неустройствахъ и голодѣ въ области Суздальской. Власть князя, непосредственнаго руководителя судьбами населенія, въ теченіе почти десятилѣтія бывшая въ рукахъ намѣстниковъ, утратила свое значеніе въ глазахъ мѣстнаго почти поголовно языческаго населенія. Почва для неурядицъ, слѣдовательно, была подготовлена. Достаточно было одной искры, чтобы пламень бунта охватилъ всю Суздальскую область. Этою искрою былъ голодъ, который языческіе волхвы истолковывали въ средѣ языческой по своему,

съ вѣрнымъ расчетомъ на суевѣріе язычниковъ. Проповѣдь волхвовъ достигла цѣли: „бѣ мятежь великъ по всей той странѣ“...

Ярославъ долженъ былъ спѣшить подавленіемъ мятежа. Обратъ для того рать въ Кіевѣ и идти въ область Суздальскую не входило въ его расчеты, такъ какъ оставить безъ охраны всѣ свои южныя владѣнія и столицу было болѣе чѣмъ рискованно да и движеніе изъ Кіева съ ратью было-бы медленнѣе движенія налегкѣ—съ одной охранной стражей. Съ послѣдней онъ отправился въ свой вѣрный Новгородъ, собралъ тамъ рать и „шедъ“ оттуда „первѣе сушей, а потомъ въ судахъ и Волгю рѣкою“. Достигнувъ водного пути (устья Которосли), ведущаго изъ Волги въ предѣлы Суздальской области, онъ сдѣлалъ здѣсь привалъ, обративъ, конечно, вниманіе и на „Медвѣжій Уголь“, какъ на неприступную твердыню съ природными укрѣпленіями; ознакомился и съ обитателями селища того же имени, жившими до того „точію по своей воли, яко мнози“, согласившимися князю „оброцы дати“. Обиліе воды, „высокая древеся, травяны пажити“, отсюда—рыбный ловъ, звѣриный промыселъ и въ широкихъ размѣрахъ скотоводство изобличали природныя богатства мѣста и всей прилегающей береговой округи и въ добавокъ неприступный, укрѣпленный природою, „Медвѣжій Уголь“,—все это вмѣстѣ взятое не могло не запечатлѣться въ памяти Ярослава, не могло не получить должной оцѣнки въ его проницательномъ умѣ.

Но теперь ему былъ дорогъ каждый день.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Медвѣжняго Угла „бѣ мятежь великъ“, куда и надо было спѣшить.

Возстановляя порядокъ въ землѣ Суздальской, великій князь Ярославъ получилъ печальную вѣсть изъ Кіева о воинственныхъ дѣйствіяхъ своего брата Мстислава.

Послѣдній, въ отсутствіе великаго князя, подступилъ со своею дружиною къ Кіеву.

Кіевляне, имѣя достаточныя силы и средства для обороны, не впустили Мстислава въ столицу, который, предвидя, очевидно, бесполезность продолжительной осады,

двинулся далѣе—на Черниговъ. Черниговцы, не подготовленные къ защитѣ, приняли его.

Таковы были событія, такъ сказать, въ сердцѣ великокняжескихъ владѣній въ то время, когда Ярославъ возстановлялъ порядокъ въ землѣ Суздальской. Понятно поэтому, что великій князь, подавивъ мятежъ, сѣшилъ обратно въ Новгородъ, чтобы, усиливъ рать, прекратить завоевательные замыслы брата своего Мстислава.

Вполнѣ естественно, что на обратномъ пути изъ земли Суздальской при выходѣ изъ устья Которосли въ Волгу, ему некогда было дѣлать привалъ, некогда было мечтать о Медвѣжьемъ Углѣ и его округѣ. Возможно только одно, что при проѣздѣ на обратномъ пути, грозный, неприступный видъ Медвѣжьяго Угла еще въ болѣе яркихъ краскахъ, еще глубже запечатлѣлся въ его воображеніи. Повторимъ здѣсь кстати слова Несторовой лѣтописи по Воскресенскому списку о возвращеніи великаго князя: усмиривъ мятежъ, „возвратився великій князь Ярославъ, прииде къ Новгороду“.

Мы видимъ неутомимаго Ярослава со своей ратью, подкрѣпленною Варягами во главѣ съ знаменитымъ ихъ предводителемъ Якуномъ, въ области Черниговской, на берегу Руды, у Лиственна, гдѣ его выжидалъ со своей ратью воинственный Мстиславъ. Произошла упорная, жестокая битва. Боевое счастье отвернулось отъ великаго князя Ярослава. Онъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Новгородъ.

Мстиславъ не злорадствовалъ, не желалъ строить своего счастья на несчастіи своего старшаго брата, Ярослава. Онъ явилъ здѣсь образецъ своего великодушія,—далъ знать Ярославу, чтобы онъ безопасно шелъ въ Кіевъ и господствовалъ, какъ старшій сынъ Великаго Владиміра, надъ всею правою стороною Днѣпра. Ярославъ, умудренный многолѣтнимъ опытомъ, сомнѣвался въ искренности увѣреній Мстислава; хотя и правилъ Кіевомъ, но не лично, а черезъ своихъ намѣстниковъ и въ то же время собиралъ войско. Планъ Ярослава ясенъ. Онъ былъ самолюбивъ, а потому вовсе не желалъ быть призрачнымъ вели-

кимъ княземъ, полузависимымъ отъ своего младшаго брата Мстислава. Онъ понималъ, что такое положеніе его не можетъ быть прочнымъ и умалить его авторитетъ даже въ народныхъ массахъ. Поэтому, въ силу необходимости, принявъ милость Мстислава, онъ въ то же время подготавливалъ почву, чтобы „оружіемъ браннымъ“ свергнуть съ себя эту милость Мстислава и возстановить свою прежнюю, „незыблемую“ великокняжескую власть.

Онъ понималъ, что для рѣшительнаго удара ему нужна сильная рать. Удѣлъ Новгородскій не могъ выставить сильной количественно рати, такъ какъ былъ ослабленъ постоянными, непрерывными почти походами въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, а потому великій князь и отправился за новыми еще не тронутыми силами въ землю Суздальскую.

Передъ отъѣздомъ, понятно, всецѣло поглощенный стратегическими соображеніями, умудренный собственнымъ опытомъ въ дѣлахъ ратныхъ цѣлымъ рядомъ удачныхъ и неудачныхъ битвъ, великій князь не могъ не вспомнить о „Медвѣжьемъ Углѣ“ — этой грозной природной твердынѣ, обративъ которую въ „городъ“ (крѣпость), можно было быть спокойнымъ за участь Суздальской земли отъ вторженій непріятельскихъ, такъ какъ переступить эту, обращенную въ „городъ“, твердыню, — проникнуть въ устье, впадающей здѣсь въ Волгу, рѣки Которосли, водный путь по которой велъ въ Ростовъ, не могла и сильнѣйшая непріятельская рать. Онъ вспомнилъ и рѣшилъ теперь же, не откладывая, осуществить ранѣе созрѣвшій планъ, — рѣшилъ срубить въ Медвѣжьемъ Углѣ „городъ“, и водрузить символъ своей власти въ этой, не подчиненной доселѣ никому округѣ съ ея инородческимъ (Черемисой) населеніемъ. Вотъ потому то, вѣроятно, „не по мнозѣмъ же времени князь Ярославъ умысли *наки* прибыти въ Медвѣжій Уголь“. Отправляясь въ путь, великій князь на этотъ разъ кромѣ воиновъ (охранной стражи), необходимыхъ для вербовки рати, взялъ съ собою епископа, пресвитеровъ, церковниковъ и мастеровъ, и съ ними „приде на брегъ Волги“. „Тамо на острову, его же учреди

рѣки Волга и Которосль и проточіе водное (позднѣе обращенное въ крѣпостной ровъ и служившее границей между „рубленнымъ“ и „землянымъ“ городомъ), князь повелѣ народу рубить древеся и чистити мѣсто, идѣже умысли и градъ создати. И тако дѣлатели нача строити церковь св. пророка Иліи и градъ создати. Градъ сей благовѣрный князь Ярославъ назва во свое имя Ярославлемъ и насели его христіанами“.

Это было въ 1024 году. Такъ о томъ говоритъ древній лѣтописецъ, вольное переложеніе котораго напечатано въ топографическомъ описаніи Ярославскаго намѣстничества, такъ выясняется этотъ вопросъ и критическимъ разборомъ лѣтописныхъ извѣстій, прямо и косвенно къ нему относящихся, то же подтверждается и рассмотрѣніемъ въ порядкѣ послѣдовательности общаго хода политическихъ событій того времени въ государствѣ Россійскомъ.

Н. Верховой.

